

МОСКВА
2024

Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

В. А. Жуковский

авно уже не было такого веселья в Петербурге, как в день, наставший после тревожной ночи, когда разнеслась по всем домам весть, что страшный герцог курляндский уже не раздаёт грозных приказаний своих в Летнем дворце императорском, а лишённый свободы, ожидает наказания за бесчисленные злодеяния свои. Сначала почти все отказывались верить такой новости и, привыкнув к коварному нраву правителя, считали её хитростью, выдуманной им, чтобы погубить какие-нибудь новые свои жертвы. Но когда увидели, что находившиеся в столице полки сходятся на площадь дворцовую, а знатнейшие вельможи съезжаются в придворную церковь — приносить присягу в верности матери императора как правительнице государства, — все поверили своему счастью и сделались так веселы, что несколько дней ничего не слышно было в Петербурге, кроме благодарственных молений в церквах и шумных пиров в домах.

После страха, который внушал суровый вид прежнего регента, все с восхищением смотрели на молодую правительницу. Пленительная наружность и доброе сердце её,

казалось, так верно обещали им счастливое будущее! Они видели исполнение надежд своих в милостях, которыми она осыпала всех пострадавших при Бироне, в улучшениях, которые делала по разным частям правления, наконец, в снисходительности, с которой она каждую неделю принимала во дворце просьбы всех, кто имел до неё какую-либо нужду. Но всё это счастливо продолжалось только до тех пор, пока люди, окружавшие престол, ещё не опомнясь от ужаса, в каком держал их страшный Бирон, думали лишь о своём счастливом освобождении от него и, не уверенные в безопасности своей, как будто боялись не быть добрыми. Но как только тишина и спокойствие утвердились, дурные наклонности начали выходить наружу, и снова всё заволновалось при дворе, так ненадолго успокоенном!

Главными лицами были тогда принц, супруг правительницы, фельдмаршал Миних, которому она обязана была своим возвышением, и граф Остерман. Первый, к несчастью, был человек, вовсе не способный к правлению, последние два — враги между собой. Удивительно было это нерасположение друг к другу людей, одарённых столь многими прекрасными качествами! Особенно удивителен был в этом случае Миних, жизнь которого представляла такое множество дел славных и благородных! Как могло какое-нибудь мелочное чувство помещаться в этой героической, великой душе? Но я скажу вам причину этого, милые читатели мои. Миних был чрезвычайно честолюбив, а вместе с честолюбием душа наша обыкновенно принимает много дурного! Итак, хотя жаль мне разочаровать вас несколько в любимце нашем, фельдмаршале — победителе турок и поляков, но нечего делать, надобно сказать, что множество

прекрасных свойств его омрачалось чрезмерным честолюбием. Увеличиваясь с годами, оно было одной из главных причин почти всех действий его. Вы видели, как из-за этого честолюбия он помогал возвышаться Бирону, как потом из-за этого же честолюбия сверг его; вы увидите теперь, как наконец из-за этого честолюбия он потеряет доверие молодой родительницы императора.

Фельдмаршалу давно чрезвычайно хотелось получить самую важную из почестей военных — чин генералиссимуса войск. Показав так много усердия Анне Леопольдовне, он ожидал от неё исполнения своего давнишнего желания, но правительница сделала генералиссимусом русских войск супруга своего, а в утешение фельдмаршалу приказала только написать в указе следующие слова: «Граф Миних, приобретя своими великими заслугами достоинство генералиссимуса, уступает оное родителю императора».

Такое утешение не удовлетворило гордую душу Миниха и оскорбило честолюбие принца. Анна не думала о неудовольствии супруга, которого можно было скоро успокоить, но огорчение освободителя от власти жестокого регента сильно тревожило её добрую душу, и она спешила придумать какое-нибудь новое вознаграждение. Она радовалась, когда ей пришла мысль сделать его первым министром.

Но это опять было неудачно: звание первого министра и вообще главное управление всеми делами государственными во всё время царствования императора Иоанна принадлежало графу Остерману. Мог ли теперь не оскорбиться этот знаменитейший министр, поступив вдруг под начальство Миниха? Остерман оскорблён был до такой степени,

что, забыв все великие заслуги, оказанные Минихом отечеству, начал искать средство погубить его.

Так Анна Леопольдовна, несмотря на все старания, не достигла успеха. Это доказало ещё раз, что одного доброго сердца недостаточно тому, кому определено судьбой управлять царством. Здесь необходимы ещё пронизательность, твёрдость, величайшая деятельность, а всех этих качеств не доставало молодой родительнице Иоанна. Особенно последнее было так далеко от неё, что нередко, когда министры приходили к ней поутру с докладами, она откровенно говорила им: «Ах! Если бы сын мой скорее дожился до тех лет, чтобы мог сам править государством!» Удивительно ли после того, что эта принцесса не умела с пользой употребить людей, окружавших её, не умела согласовать их выгоды и потушить их ссоры и потом вместе с ними погибла!

Первый шаг к этой гибели правительница сделала в то время, когда, слушая Остермана, уже замышлявшего падение Миниха, она поверила хитрым рассказам его о том, что честолюбие фельдмаршала не удовлетворится никакими почестями, что он будет стремиться всё выше и выше. Искусный хитрец умел очень кстати сказать ей и то, что Бирон, в это время всё ещё судившийся в Шлиссельбургской крепости, объявил в показаниях своих, что никогда и в голову ему не пришла бы мысль быть регентом, если бы Миних не умолял его об этом самым убедительным образом. С первого же раза цель Остермана была достигнута: легковверная правительница потеряла всё доверие к Миниху и начала сама думать, как бы удалить его не только от участия в делах государственных, но даже и от двора. И судьба предоставила ей удобный случай.

В это время в Европе начиналась война за наследство австрийских владений. В числе государей, споривших о том с императрицей Марией-Терезией, был также и ближайший сосед России — король прусский, только что заключивший дружественный союз с русскими и, следовательно, не ожидавший, чтобы они вздумали помогать австрийцам, тем более что шведы готовились в то самое время объявить войну отечеству нашему. Но австрийская императрица была ближайшей родственницей принца Антона, и Анна Леопольдовна хотела помогать ей, несмотря на явные невыгоды, какие могли произойти для русских от этой помощи. Граф Остерман утверждал в этом намерении великую княгиню, потому что знал совершенно противоположное мнение фельдмаршала и ожидал большой пользы для себя от несогласия, какое неминуемо должно было произойти между ним и правительницей.

Злое ожидание министра исполнилось. Миних со всей откровенностью воина сказал великой княгине, что сколь опасно во время ожидания войны со Швецией отправить многочисленное войско на помощь чужому государству, столь и неблагоприятно изменить союзнику, положившемуся на слово наше. Правительница нашла такие слова дерзкими и, чтобы наказать Миниха, исполнила намерение своё и заключила союз с Австрией, не спрашивая более советов его. Огорчённый до глубины души, Миних не мог перенести такого оскорбления и попросил себе отставку, тайно надеясь, что она не будет дана ему. Надежда и тут обманула его: Анна Леопольдовна не только тотчас же с внутренним удовольствием дала ему отставку, но с нетерпением каждый день спрашивала у окружающих, переехал ли фельдмаршал

из ближнего соседства его со дворцом в собственный дом на другой стороне Невы. Робкая принцесса недаром справлялась об этом. С тех пор как Остерман напугал её честолюбивыми замыслами Миниха, она не проводила спокойно ни одного часа: каждую ночь переменяла спальню, удвоила караул во дворце и беспрестанно вспоминала о том, с каким искусством фельдмаршал сумел за несколько месяцев перед этим схватить могущественного регента. Боязливое сердце её страшилось такой же участи, пока Миних участвовал в правлении или даже только жил подле дворца. Но едва переехал он за Неву, великая княгиня совершенно успокоилась, вовсе не воображая, что теперь-то, с удалением ревностнейшего служителя и умнейшего советника, она сама приготовила величайшие для себя опасности и лишила себя средства видеть их и избавиться от них!

дивительно читать в истории нашей, друзья мои, что русские отдали корону царей своих младенцу, сыну чужестранного принца и принцессы, почти так же чужестранной, в то время как у престола их расцветала прекрасная отрасль того, кому этот престол обязан был и императорским величием, и чудесной славой! Удивительно видеть, что они считали наследницей его рождённую в чужой земле принцессу-лютеранку потому только, что она была внучка царя, никогда не управлявшего ими, и как будто забыли о княжне, соединённой с ними одной верой и отечеством, — о родной дочери великого, бессмертного Петра! Такое ослепление, долго существовавшее, нужно более всего приписать кроткому сердцу Елизаветы Петровны, всегда находившей более удовольствий в наслаждениях тихой жизни и не помышлявшей о правах своих на престол незабвенного родителя.

Во время царствования Анны Иоанновны и ужасных дел жестокого любимца её Елизавета начала ещё более чуждаться опасностей, окружающих престол, и ещё твёрже решилась никогда не искать его. Может быть, такая

беспечность продолжалась бы всю её жизнь, но, видя беспрестанные ошибки в правлении Анны Леопольдовны, особенно со времени удаления Миниха, Елизавета Петровна заметила, что с самым добрым сердцем и самыми хорошими намерениями можно поступать дурно, и это привело её к мысли: справедливо ли делала она, предоставляя престол, а с ним и судьбу нескольких миллионов людей правлению слабой принцессы и отдалённому царствованию младенца-императора? Правда, эта мысль, слегка мелькнувшая, не развилась бы в спокойном и нечестолюбивом сердце её, если бы не старались об этом многочисленные её приверженцы и все те люди, которые беспрестанно смотрели на легкомысленные поступки правительницы.

Ошибки Анны Леопольдовны сделались ещё непрощительнее с тех пор, как она лишила доверия своего и второго из умнейших советников своих — графа Остермана и начала во всём следовать наставлениям нового любимца — саксонского посланника, графа Линара. Такие беспорядки не могли не встревожить людей, истинно преданных отечеству. К ним присоединились ещё некоторые иностранцы, желавшие для выгод государств своих перемены в русском правительстве. Это были по большей части французы и шведы. Первым нужно было отклонить Россию от участия в делах австрийцев, которым от всей души хотела помогать Анна Леопольдовна; вторые всё ещё не теряли надежды возвратить области, завоёванные у Швеции Петром Великим, и думали, что Елизавета из благодарности за усердие их исполнит эту надежду. Между ними главными действующими лицами были французский посланник маркиз де ла Шетарди и домашний доктор великой княжны Лесток.

Они-то более всех старались о восшествии её на престол. Первый не только составил план действий против правительницы, но даже доставлял Елизавете Петровне значительные суммы денег, нужные на расходы в таком случае, а последний, находясь безотлучно при цесаревне, ободрял её в те минуты, когда робость и нерешительность овладевали душой её.

По общему совету обоих прежде всего надобно было склонить на свою сторону гвардейские полки. Елизавете нетрудно было сделать это: солдаты любили в ней дочь Петра, и каждый, кому открывали её намерение принять правление, радовался и готов был жертвовать жизнью за Матушку¹! Двенадцать гренадёр Преображенского полка были первые, узнавшие об этой новости; они начали склонять своих товарищей и поступали в этом случае так неосторожно, что только одна непонятная беспечность правительницы была причиной того, что предприятие не открылось. Сам де ла Шетарди и особенно Лесток были ещё более неосторожны, нежели преображенцы: последний так открыто говорил везде о своих замыслах, что в скором времени все подробности его сделались известны графу Остерману, который, несмотря на то, что был уже в немилости у правительницы и жестоко страдал от болезни, принимал ещё живейшее участие в судьбе наследников Анны Иоанновны и, испугавшись опасностей, какие угрожали им, приказал

¹ Матушка наша — было имя, которым называли великую княжну солдаты. Они восхищены были ласковостью её, особенно с тех пор как, следуя наставлениям своих советников, она увеличила простоту обхождения своего с ними и иногда вместо прогулки приезжала в казармы, позволяла солдатам говорить с нею о своих нуждах.

перенести себя на носилках во дворец и здесь с большим страхом рассказал Анне Леопольдовне всё, что готовилось для неё.

Но удивительно было невнимание к нему великой княгини! Может быть, по воле Бога оно нужно было для того, чтобы передать престол России знаменитому поколению гения, создавшего её в её новом образе; но как бы то ни было, только Анна Леопольдовна всё то время, пока говорил Остерман, занималась новым платьем, сделанным для малютки-императора, и, когда огорчённый министр окончил речь свою, она вместо ответа с восхищением показала ему это платье и не переставала хвалить цвет и покрой его. С таким же равнодушием принимала она предостережения и других приверженцев своих и всем им отвечала только то, что она уверена в добром расположении к ней великой княжны, вовсе не помышляющей о престоле.

Между тем у цесаревны, которая одна лучше всех своих сообщников умела скрывать свои намерения, почти всё уже было готово, недоставало только твёрдости и решимости царствовать. Елизавета с каждым днём откладывала и только тогда решилась исполнить своё намерение, когда уже опасно было медлить: намерения её сделались известны многим, и с каждым днём и сама цесаревна, и все её приверженцы могли ожидать гибели. Но и тут надобно было много усилий, чтобы заставить её действовать. Кроме всего, что можно было сказать при этом случае, Лесток употребил ещё одно средство: он принёс великой княжне аллегорическую картинку, на которой с одной стороны она представлена была в короне, а с другой — в покрывале монахини, с разными орудиями казни кругом. Подавая эту

картинку цесаревне, усердный доктор ещё более убедил её, сказав: «Избирайте, ваше высочество, — быть императрицей или страдать в монастырском заключении и видеть погибель людей, вам преданных».

Эти слова произвели своё действие в полной мере: Елизавета ужаснулась и монастыря, и мысли быть причиной несчастья своих усердных приверженцев. На следующую ночь назначили переворот, не сказав ни слова французскому посланнику. На это была важная причина: проникательная Елизавета узнала, что преданность его была неискренней: он условился со шведами, что корабли их подойдут к Петербургу, силой заставят Анну Леопольдовну и сына её отказаться от престола, возведут на него Елизавету и тогда будут требовать от новой императрицы согласия на все условия, какие вздумается им предложить для выгод государств своих. К счастью для России, эта хитрость была вовремя обнаружена и все последующие действия великой княжны удачно скрыты от де ла Шетарди.

Возвратимся же к нашему рассказу. Переворот назначен был на 24 ноября 1741 года. Чем более приближалась решительная минута, тем сильнее билось сердце кроткой царевны. Чтобы успокоить себя, она начала молиться и долго стояла перед образом Богоматери, как будто испрашивая благословения её на правое дело своё и на народ, судьба которого должна была через несколько часов решиться. Успех, увенчавший желания Елизаветы, несмотря на малые средства её, на неосторожность действовавших лиц и происшедшую от этого поспешность, с которой надо было действовать, доказывает, что молитвы княжны были не напрасны — Царица небес ниспослала ей могущественную помощь свою.

Когда все во дворце уснули, Лесток явился сказать о том Елизавете. Вручая жребий свой Богу, она чувствовала необыкновенную бодрость в душе своей. Лесток поспешил воспользоваться этим и уговорил царевну, не медля ни минуты, ехать в Преображенский полк, где уже нетерпеливо ожидали её 300 приверженцев из нижних чинов. Офицеров ещё не успели склонить на сторону будущей императрицы, но она несколькими словами убедила тех, кого нашла в караульне. Для того ей стоило только сказать: «Вы знаете, чья я дочь, идите за мною!» — «Готовы, матушка!» — было ответом солдат. Офицеры изъявили такую же готовность и без малейшего шума и кровопролития в ту же ночь взяли под стражу правительницу со всем её семейством, фельд-маршала графа Миниха, графа Остермана, обер-гофмаршала графа Левенвольда и вице-канцлера графа Головкина.

В три часа утра Елизавета Петровна, возвратясь во дворец, в разных комнатах которого сидели все взятые под стражу, послала камергера своего графа Шувалова объявить французскому посланнику о счастливом окончании дела. Можно представить себе, как удивлён и раздосадован был де ла Шетарди этой поспешностью и этим успехом! Он ещё восхищался своим прекрасно устроенным планом, а цесаревна уже как государыня России принимала присягу новых подданных своих и имела утешение быть обязанной только им, а не иностранцам за престол, так справедливо ей возвращённый.